

УДК 82-6

DOI: 10.17223/19986645/74/16

М.Д. Кузьмина

УЧИТЕЛЬСТВО И УЧЕНИЧЕСТВО В СЛАВЯНОФИЛЬСКОМ ОБЩЕНИИ: ПЕРЕПИСКА А.С. ХОМЯКОВА С Ю.Ф. САМАРИНЫМ¹

Анализируются отношения учительства и ученичества между идеологом славянофильского кружка А.С. Хомяковым и членом кружка Ю.Ф. Самариным, нашедшие отражение в их переписке. Выявляется, что Самарин направляет Хомякову доверительно-исповедальные письма, а Хомяков отвечает проповедью, в которой разъясняет корреспонденту его состояния, советует, утешает. Делается заключение, что их отношения напоминают отношения духовного отца и духовного сына.

Ключевые слова: А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин, славянофильство, переписка, письмо, эпистолярный, исповедь, проповедь, притча

Хотя для кружка славянофилов было принципиально важным отсутствие главы, замещение идеи взаимоподчинения – идеей соборности, в глазах их современников и потомков основополагающая роль принадлежала А.С. Хомякову. «Всякий вопрос о славянофилах и славянофильстве, – писал в свое время прот. Г. Флоровский, – на три четверти, кажется, обращается в вопрос о Хомякове и сама славянофильская группа мыслится как “Хомяков и другие”». Справедливо ли это? Полагаем, что да <...>. Хомяков был и остается идейным центром и руководителем славянофильской мысли...» [1. С. 149]. Современные исследователи, вторя друг другу, в разных формах выражают ту же идею – объявляют Хомякова «основоположником и выразителем духа славянофильского учения» [2. С. 77]. Действительно, он был идеологом и «выразителем духа славянофильского учения», и потому, что, как отметил прот. Г. Флоровский, преимущественно исследовал «...тот священный центр, из которого исходили и к которому возвращались думы славянофилов – Церковь» [1. С. 149], и потому, что всей душой жил в лоне Церкви, и потому, что нес христианскую проповедь в мир. Все эти три грани его жизнедеятельности нашли яркое отражение в эпистолярной, составив едва ли не исчерпывающее содержание большинства писем, которые, кстати сказать, адресовались преимущественно друзьям и единомышленникам – славянофилам и близким к ним лицам.

Хомяков богословствовал и проповедовал в славянофильском кружке, с одной стороны, направляя и корректируя суждения соратников, с другой – откликаясь на их запросы. Но его эпистолярный диалог с разными корре-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-68-46021, «Славянофильство в религиозно-философском диалоге: 1836–1917».

спондентами складывался неодинаково. Яркий пример – приятели и ровесники К.С. Аксаков (р. 1817) и Ю.Ф. Самарин (р. 1819), один за другим вступившие в славянофильский кружок и подпавшие под влияние Хомякова, который превосходил их, как писал И.С. Аксаков, «...не только зрелостью лет (он родился в 1804 г. – М.К.), опытом жизни и универсальностью знания, но и удивительным гармоническим сочетанием противоположностей их обеих натур. В нем поэт не мешал философу, и философ не смущал поэта; синтез веры и анализ науки уживались вместе <...> в безусловной, живой полноте своих прав...» [3. С. 236–237]. Если в случае с К.С. Аксаковым, категоричным в своих славянофильских суждениях, это влияние со временем ослабевает, то в случае с Самариным – сохраняет актуальность. В переписке с первым, богословствуя и проповедуя, Хомяков выступает в роли старшего друга-единомышленника, иногда антагониста, тогда как в переписке со вторым – в роли старшего друга и учителя. Самарин сам дал ему над собой такие права, высказав потребность в духовном руководстве. Думается, не в последнюю очередь на это повлиял его вынужденный переезд из Москвы в представлявшийся славянофилам гибельным Петербург. Опасаясь за себя и остро переживая одиночество, Самарин вызывает к Хомякову. Опасаясь за него и откликаясь на его воззвание, Хомяков берет его под свое руководство. В их переписке отображаются отношения по модели учитель – ученик, чем-то похожие на отношения духовного отца и духовного сына.

В одном из писем, созданном через год после переезда в Петербург, Самарин доверчиво открывается Хомякову. Он начинает с «чистосердечного покаяния». Автор осуждает себя за то, что «...во все <...> время <...> никому не сделал никакой пользы (из-за «мелкого самолюбия, боязни показаться смешным, чувства гордости с примесью лени») и сам «испытал много душевного вреда от Петербурга» [4. С. 390]. Северная столица изображается им в традициях прозы Н.В. Гоголя, и в первую очередь повести «Невский проспект», – как абсурдно-фантастическое, лживое, inferнальное пространство: «Все мутится в голове моей; то, что возбуждало во мне негодование и презрение, облекается в моих глазах в благовидные формы и лукаво крадется в душу. Остальное, во что я верил и что любил, как будто теряет для меня цену и оподозривается. То, что я слышал вчера, нынче повторяется во мне самом и как будто от моего лица. Это невыносимо тяжело. Я рвусь отсюда, но не знаю, куда идти, потому что я потерял сознание моего призвания. Оно было для меня ясно, как день, я видел его перед собою, хотя и вдали, но этот бесконечный год отбросил меня Бог ведает в какую глушь» [4. С. 391]. Лейтмотивом становится повторяемый автором судьбоносный вопрос: «...что мне делать?» [4. С. 391] – аллюзия на Евангелие, вопрос, заданный Иоанну Предтече людьми, пришедшими креститься (ср.: «И спрашивал его народ: что же нам делать? <...>. Пришли и мытари креститься, и сказали ему: учитель! что нам делать? <...>. Спрашивали его также и воины: а нам что делать?» (Лк. 3: 10–14)). В тех или других формах он повторяется и в последующих письмах. Письма Хо-

мякова дают ответ, представляя собой, в сущности, одну развернутую повесть.

Думается, действенность его учительного слова определялась прежде всего уверенностью, с которой он его произносил. На смятение Самарина Хомяков ясно, спокойно и твердо отвечал, что нужно делать, разъяснял ему его состояния, утешал, стремился рассеять тоску, выражал неколебимую веру в будущее. «Для вас не прошло еще время борьбы и не наступило примирение, – писал он. Оно вам по-прежнему кажется невозможным. Так и должно быть» [5. С. 245]. «Что же делать? Во-первых, не унывать; во-вторых, трудом внутренним, который требует мало времени и всегда возможен, заменить невозможный труд внешний. Пожалуйста, не забывайте, что Бэкон был канцлером, а в вас я предполагаю довольно силы, чтобы сохранить себя везде и во всех обстоятельствах крепким и неприкосновенным...» [5. С. 261]. Останавливаясь на актуальных проблемах, Хомяков иногда апеллирует к прошлому, но гораздо чаще – к будущему. Будущее становится господствующей темпоральной категорией его писем к Самарину (ср.: «Придет непременно время...» [5. С. 245]; «Все эти выводы <...> сольются для вас в одну общую гармонию...» [5. С. 245]; «Жизнь свое возьмет» [5. С. 247]; «...мы теперь или позже, а принадлежим Москве...» [5. С. 259]), и, как правило, оно сопряжено с установкой на пророчество, что придает учительному слову авторитетность, даже сакральность. Идеолог кружка предрекает путь и своему корреспонденту, и славянофильству, и всей России. Время от времени указывает на уже сбывшиеся пророчества: «Вы, может быть, вспомните наш разговор с вами и Аксаковым, когда я вам обоим обещал внутреннюю борьбу и даже пророчил, что она начнется у вас прежде, чем у него» [5. С. 239]; «Вспомните, пожалуйста, мои слова пред вашим отъездом и какого добра я ждал для вас от Петербурга» [5. С. 245]; «В Англии уже предложены те употребления сжатого воздуха, которые я предсказал в статье о железных дорогах» [5. С. 258]; «Я отчасти предвидел теперешнее искушение и осенью писал об нем к К.С. Аксакову...» [5. С. 293]. Характерно постоянное употребление слов «пророчил», «предсказал», «предвидел».

Многие хомяковские тезисы о будущем и настоящем (такие как «Жизнь свое возьмет») звучат афористично, что сближает их с пословичными выражениями – плодами народной мудрости и через это придает им весомость. Иногда автор письма берет за основу одно из таких выражений и надстраивает на него, в параллель ему, свое, позиционируемое как равноценное («...все перемелется и будет мука <...> все ошибки исправятся силою жизни...» [5. С. 256]), одновременно прибегает к игре слов и дефразеологизации («...мы можем радоваться вестям об вас, но не за вас <...>. Терпи, казак, хоть атаманом и не будешь» [5. С. 262]), за счет чего суждение преподносится как авторитетное и вместе с тем личное, смелое, способное остановить на себе внимание адресата, убедить его и рассеять его хандру.

Хомяков подкрепляет свои тезисы авторитетом не только народной мудрости, но и – прежде всего – Церкви. Религиозный дискурс вводится за

счет апелляции к церковнославянскому языку (ср.: «...пошлость всеобщая нашего читающего, аки бы думающего мира» [5. С. 268]; «...я <...> старался его истинный смысл выразить елико возможно ясно» [5. С. 273]), придающего высказыванию характер сакрального и одновременно ироничного по отношению к тому, что не вызывает одобрения. Религиозный дискурс вводится также за счет апелляции к библейской образности. Рождается целая группа тропов, восходящих к ветхо- и новозаветным. В частности, это метафоры с отрицательной семантикой, при помощи которых Хомяков обрисовывает Самарину современную Россию: метафора пустыни («...неужели наша московская почва не только хороша, но хоть сколько-нибудь сносна? Неужели это не совершенная пустыня в нравственном и даже умственном отношении?» [5. С. 263]) и метафора болезни («Привычки, устаревшие <...> и в то же время питаемые всем современным строем, должны быть брошены разом?! На всех язвах должно нарасти румяное тело?! Возможно ли? Правда, пророк говорит: “Ты очистишь меня, и проказа моя ссыплется с членов моих <...>” <...> но такое личное обновление не принадлежит обществам» [5. С. 296]; «Горько, тяжело современное, но говорю с полным беспристрастием. Тело, оголившееся от мазей, которыми его смазывали <...> далеко еще не так гнусно, как я ожидал» [5. С. 297]). Последнюю он применяет и для характеристики состояния своего корреспондента («Вот, любезный Юрий Федорович, лекарство для вас, за которое ручаюсь» [5. С. 295]; «Горькое чувство современных болезней и особенно бесчувственности больных к своим болезням в вас теперь особенно сильно» [5. С. 297]). Себе он тем самым отводит роль врача, ставящего и всему обществу, и своему ученику-корреспонденту диагнозы и назначающего лечение. Это очень высокое положение, ведь в Священном Писании Христос – Врач, видящий и исцеляющий духовные и телесные недуги. Примечательно, что обе метафоры, восходящие к библейскому тексту, – болезнь и пустыня, – хотя и заключают в себе отрицательные коннотации, не несут идеи непоправимости: в Божьей власти исцелить любую болезнь и оживотворить бесплодную почву пустыни. Но необходимо произволение самого человека, его соработничество Богу. Со стороны Самарина, признающего себя «больным» и жаждущего исцеления, оно есть, поэтому Хомяков уверенно предрекает ему лучшее будущее.

Не случайно в письмах Хомякова очень важную роль играет метафора битвы, также имеющая библейские корни. Битва рассматривается как непреложное условие победы. Хомяков прибегает к этой метафоре, характеризуя деятельность переехавшего из Петербурга в Ригу Самарина: «...говорят, что сражение, проигранное вами <...> еще не совсем невозвратно погубило дело и что теперь есть надежда возобновить войну...» [5. С. 274]. Он благословляет своего ученика на борьбу: «С Богом, любезный Юрий Федорович, на новый нежданный путь! <...>. Да будет воин вооруженным гражданином! С Богом!» [5. С. 285]. Не только деятельность Самарина, но и современное состояние России, и в первую очередь столкновение славянофилов и западников, изображается Хомяковым в «воен-

ной» терминологии: «бой» [5. С. 267, 275], «противники» [5. С. 268], «ра-тоборцы» [5. С. 268], «борьба» [5. С. 269, 276, 277] и т. п. Сражение и на личном, и на общественном поприще понимается в письмах в соответствии с христианскими представлениями как совершаемое в разных формах в течение земной жизни сражение за спасение души.

Учительное слово Хомякова обретает черты притчи: в проповедь включается аллегорическая образность, синтезирующая профанный и сакральный планы, с установкой возвести адресата от первого ко второму. Анализируя структуру евангельской притчи, Ю.И. Левин указывал на характерную двуплановость: в евангельской притче традиционно «повествуется о событиях, которые происходят <...> в царстве *низкой*, обыкновенной жизни», «но текст <...> имеет двойную семантику» и одновременно повествует о событиях, «...относящихся к тому, что происходит <...> в приобщенной к Богу сфере реальности <...>». Этот второй ряд и образует толкование притчи» [6. С. 530–531]. Такая двуплановость налицо в епистолярной Хомякова. «Толкование притчи» очень эксплицированно представлено в одном из писем: «...та борьба, в которую мы вступили, – проповедует его автор Самарину, – есть только отрывок не только вековой, но и вечной борьбы, на которую осуждено человечество...» [5. С. 297]. «...Борьба наша не к крови и плоти», поэтому «мы не можем ничего ожидать скорого», – поясняет в другом письме, цитируя апостола Павла [5. С. 277]. Те же слова из «Послания к ефесянам»: «Несть наша борьба крови и плоти» (ср.: «...наша брань не против крови и плоти...» (Еф. 6: 12)), – приводит в письме к К.С. Аксакову [5. С. 351]. Тем самым всякий раз оценивая актуальные проблемы в перспективе будущего, Хомяков это будущее вписывает в контекст вечности, ассимилируя свое слово с библейским, что, с одной стороны, не могло не утешать его корреспондента в моменты временных «поражений», а с другой – не могло не вызывать к его слову предельного доверия.

Лаконично актуализируя библейский образно-смысловой план, одним-двумя словами отсылая Самарина к евангельским притчам и создавая в параллель им свои, как правило, очень редуцированные, – Хомяков в свержавторитетной тональности обрисовывает борцов и результаты борьбы. Его характеристика славянофилов, которым необходимо объединиться: «Лучинки разрозненные горят да гаснут: вместе связанные, они передают огонь целому костру», – напоминает евангельский образ зажженной свечи – христианской души, призванной светить миру [5. С. 260] (ср.: «Вы – свет миру. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми...» (Мф. 5: 14–16), как напоминает и о «малом стаде» (Лк. 12: 32). Суждение о современности: «Дурное <...> она должна исключить из своей мысли, чтобы хорошее могло приносить плоды» [5. С. 281] – отсылает к притче о бесплодной смоковнице и одновременно к словам Христа из Нагорной проповеди: «По плодам их узнаете их» (Мф. 7: 16). В целом ряде писем Хомяков проповедует необходимость активной деятельности славянофилов в современной России, метафориче-

ски понимая эту деятельность именно как попечение о «добрых плодах» и видя миссию своих соратников в том, чтобы «вспахать» «чистое поле» «и засеять семенем живым», как он писал А.Н. Попову. Лейтмотивом эпистолярных посланий к Самарину становится: «...никто из нас не доживет до жатвы» [5. С. 252]; «сейте, где можно и сколько можно; где взойдет, никто не возьмется сказать» [5. С. 286]; «мы с вами увидим хлеб в краске, хотя зеленой настоящих не увидим» [5. С. 299]. В этих строках очевидна отсылка сразу к нескольким евангельским фрагментам (ср., например: «...возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве. Жнущий получает награду и собирает плод в жизнь вечную, так что и сеющий, и жнущий вместе радоваться будут...» (Ин. 4: 35–36)), и прежде всего к притче о сеятеле и образу-символу хлеба (ср.: «...Я есмь хлеб жизни...» (Ин. 6: 35)). Славянофилы, основывающие свое учение на православной вере, объявляются, таким образом, учениками Христа, последователями апостолов.

Значительно реже и совсем в другой тональности, но также подкрепляя авторитет своего слова словом библейским, Хомяков обрисовывает Самарину тех, кто отказывается от борьбы: «Человек <...> может с утомления закрыть глаза, насильно на себя наложить забвение, но последующий за этим мир есть гроб повапленный, из которого не выйдет никогда ни жизни, ни живого» [5. С. 239] (ср.: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным (по-церковнославянски: повапленным.— М.К.) гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты...» (Мф. 23: 27–28)); «...общество пляшет, дворянство играет в карты, чиновник крадет, поп меняет каноны на гри-венники; да ведь это делали всегда; разом не переменишься. И тогда, когда придет Сын Человеческий, разве не то же? Он найдет мир, плетущийся по своим привычным колеям» [5. С. 297] (ср.: «И как было во дни Ноя, так будет и во дни Сына Человеческого: ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и пришел потоп и погубил всех. <...> так будет и в тот день, когда Сын Человеческий явится» (Лк. 17: 26–30)). Этот мир и составляет ту бесплодную почву «пустыни», которая пока не выказывает произволения, чтобы быть оживотворенной, но которую славянофилам надлежит пахать и засеивать.

В обращенной к соратникам проповеди, развернутой в письмах к Самарину, Хомяков постоянно использует характерную для жанра проповеди «мы»-форму (о ней подробнее см.: [7. С. 43]) («...та борьба, в которую мы вступили...»; «...борьба наша не к крови и плоти»; «...никто из нас не доживет до жатвы» и мн. др.), ставящую его в положение соучастия по отношению к адресату и позволяющую не довольств. над ним, выступать в роли друга, не выходя из роли учителя-проповедника. «Мы»-форма становится одной из форм выражения лейтмотивного для эпистолярия Хомякова сопереживания Самарину, разделения с ним его ошибок, трудностей и горестей (ср.: «...болезнь ваша – моя болезнь» [5. С. 296]), преодоления странства; она становится в конечном счете одной из форм выражения

любви, которую не мог не чувствовать и на которую не мог не отозваться адресат.

Примечательно, что в письмах к Самарину Хомяков никогда не использует «мы»-форму в составе логических парадоксов с целью переубеждения адресата и вообще не использует эти парадоксы (их структура такова: тезис – мнение адресата, с которым Хомяков имитирует согласие; антитезис – мнение самого Хомякова, которое якобы разделяется адресатом; синтез, в основе которого лежит мнение Хомякова, преподносимое как их общее, компромиссное решение), так широко применяемые им в посланиях к другим корреспондентам и в печатных работах (подробнее см.: [8; 9]). Казалось бы, в письмах к Самарину, которого идеолог славянофильского кружка считал логиком, подобные логические манипуляции наиболее естественны. Но их отсутствие не случайно: между Хомяковым и его учеником не было идейных разногласий, и доверительные отношения не допускали интеллектуальных уловок.

Под определяющим ли влиянием Хомякова или вследствие существовавшего между обоими корреспондентами единодушия и единомыслия Самарин, подобно своему учителю, оперирует преимущественно категорией будущего времени («Правда ли, что вы нынче летом едете за границу?» [4. С. 400]; «...зная лично кн. Черкасского, я уверен, что с ним нетрудно будет ужиться <...> занятия мои будут такого же рода, как и прежние...» [4. С. 404]; «Весьма вероятно, что в скором времени домашние обстоятельства заставят меня возвратиться навсегда в Москву...» [4. С. 409]), от начала к концу переписки все чаще прибегает к метафоризации («...я <...> поглотил до 15 довольно толстых томов. После такого приема я остаюсь при том убеждении, что это наука...» [4. С. 404]; «...пустота, <...> утомление <...> неисчислимыми путями пролагает себе дорогу в душу» [4. С. 407]; «...все <...> ступени антихристианского, а у нас и антиисторического развития нами пройдены, и мы уже заносим ногу на самую последнюю» [4. С. 408], «Общество глубже и глубже опускается в соблазны чудовищной роскоши и комфорта, как в мягкие кресла...» [4. С. 409], «Дисциплина <...> должна удовлетворить ум, наполнить и оживить сердце, подпереть пошатнувшийся свод религиозных убеждений...» [4. С. 409]). На фоне этих сближений нетрудно заметить разительное отличие эмпирико-практической тональности, господствующей в письмах Самарина, от философско-богословской тональности писем Хомякова. Очевидно, сказывалось несовпадение рода деятельности (занятость по службе у первого и отсутствие таковой у второго) и особенностей личностного устройства. Противоположность этого устройства не меньше, чем единодушные и единомыслие, могла способствовать сближению. Она не касалась главного для них обоих – православной веры и славянофильской деятельности.

Самарин, оставаясь в эмпирико-практической сфере, отстаивает то и другое, идя за своим учителем. Знаковы у него и отсылки к евангельскому тексту («...кажется, чаша сия прошла мимо меня» [4. С. 393–394]; «Вот

сколько предстоит дела, а если б вы посмотрели на призванных делателей!...» [4. С. 396], «Немудрено отойти в сторону и умыть руки...» [4. С. 396]), и введение церковнославянизмов («Практический вывод из всего мною виденного и слышанного заключается в том, что ничего более не остается делать, как напоминать беспрестанно, елико то возможно, о духовном начале...» [4. С. 409]), и постоянное сокрушение о своем несовершенстве, потребность в исповеди, с которой он время от времени обращается к Хомякову как духовный сын к духовному отцу: «Я опустил, чувствую, что с каждым днем мысль притупляется» [4. С. 398]; «Скажу вам только одно: я очень чувствую, что многое во мне должно было вас оскорблять, и не вас одних, но поверьте, что я вполне сознаю недостатки, делающие меня подчас нестерпимым; я сам страдаю от них никак не менее, больше других; я прошу вас только любить меня по-прежнему, несмотря на эти недостатки, которых преодолеть не отчаиваюсь» [4. С. 408]. С.И. Скороходова небезосновательно замечает о Самарине: «Политическая философия хотя и доминирует в философско-исторических взглядах русского мыслителя, но рассматривается им в духовном и историческом измерениях. <...>. И если бы политические вопросы не захватили все помыслы Юрия Федоровича, то вероятнее всего, что в XIX в. появился бы еще один блестящий богослов» [10. С. 233].

В переписке с идеологом славянофильского кружка раскрывается этот потенциал личности Самарина. По-новому раскрывается в ней и потенциал личности Хомякова, известного современникам и потому вошедшего в историю русской общественной мысли как «бретер диалектики» [11. С. 156], приверженец софистики, любитель споров (см., например: [12. С. 312–314; 13. С. 227]). Действительно склонный к полемике, он часто прибегал к ней с целью проповедания истины. Но в переписке с Самариным эта задача решается другим способом – в форме доверительного дружеского общения и одновременно общения по модели учитель – ученик. Выросший на почве дорогой для славянофилов православной традиции и демонстрирующий ее своеобразный светский вариант, эпистолярный диалог Хомякова и Самарина дает глубокое представление о том, чем жили в своей сокровенной, скрытой от посторонних глаз жизни и за что «сражались» «ратоборцы» кружка.

Литература

1. Флоровский Г., *прот.* Около Хомякова // Символ. 1986. № 16. Декабрь. С. 140–226.
2. Еремичева Е.А., Межуева Е.О. Категория любви в философии славянофильства // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2016. № 24 (245). С. 77–81.
3. Аксаков И.С. Предисловие <к публикации писем А.С. Хомякова к Ю.Ф. Самарину> // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. : в 8 т. М., 1900. Т. 8. С. 235–238.
4. Самарин Ю.Ф. Письма Алексею Степановичу Хомякову. 1843–1850 // Собр. соч. : в 5 т. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб., 2016. Т. 3. С. 389–411.
5. Хомяков А.С. Письма // Полн. собр. соч. : в 8 т. М., 1900. Т. 8. 522 с.
6. Левин Ю.И. Структура евангельской притчи // Избранные труды. Поэтика, семиотика. М., 1998. С. 520–541.

7. Прохвятилова О.А. Речевая организация звучащей православной проповеди и молитвы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 46 с.
8. Кошелев В.А. Парадоксы Хомякова: Заметки и наблюдения. М. : Индрик, 2004. 216 с.
9. Кузьмина М.Д. Принцип парадокса в письмах А.С. Хомякова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2018. № 2. С. 82–91.
10. Скороходова С.И. К вопросу о философии религии Ю.Ф. Самарина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19, № 1. С. 224–234.
11. Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. : в 30 т. М., 1956. Т. 9. 354 с.
12. Кошелев А.И. Мои воспоминания об А.С. Хомякове // Алексей Хомяков в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. М., 2015. С. 307–317.
13. Чичерин Б.Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. [М.] : М. и С. Сабашниковы, 1929. 294 с.

Teaching and Apprenticeship in Slavophile Communication: Aleksey Khomyakov's Correspondence with Yuri Samarin

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 289–298. DOI: 10.17223/19986645/74/16

Marina D. Kuzmina, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (Saint Petersburg, Russian Federation), Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation), Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: mdkuzmina@mail.ru

Keywords: Aleksey Khomyakov, Yuri Samarin, Slavophilism, correspondence, letter, epistolary works, confession, sermon, parable.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-68-46021: Slavophilism in the religious-philosophical dialogue: 1836–1917.

The article examines the correspondence of two prominent representatives of the Slavophil circle – Aleksey Khomyakov and Yuri Samarin. The relations that developed between them and which were vividly reflected in the epistolary dialogue were friendly, yet they were built according to the teacher–student model, a secular version of a spiritual father and a spiritual son. In the study of the epistolary dialogue between Khomyakov and Samarin, the historical-literary and structural-typological methods of literary criticism are used. A significant age difference (Khomyakov was born in 1804, while Samarin was born in 1819) and, accordingly, the experience of life and philosophizing also affected this dialogue. Samarin was forced to leave for service in St. Petersburg, which seemed hostile and disastrous to the Slavophiles. He desperately appealed to the senior comrade Khomyakov (an authority, the ideologist of the Slavophil circle) who stayed in Moscow. Samarin, in letters to Khomyakov, confesses his weaknesses and blunders, realizing his imperfection and recognizing the influence of the unhealthy Petersburg atmosphere on himself, cries out for help, and, finally, simply asks what to do, asks to show the way. To the confusion of Samarin, Khomyakov clearly, calmly and firmly answers what needs to be done (literally point by point), explains Samarin's condition, comforts, seeks to dispel melancholy, expresses unshakable faith in the future. His word gains super convincingness due to the fact that he appeals to the biblical imagery, aphoristically, often actualizes the category of the future tense, taking on the role of a prophet, and, using this opportunity, he reminds Samarin of his fulfilled "prophecies". Evoking confidence in his words and in his personality, Khomyakov raised Samarin, led him along. It is characteristic that, in letters to Samarin, Khomyakov never resorts to logical paradoxes in order to (re)convince the addressee (their structure is as follows: the thesis is the opinion of the addressee, with whom Khomyakov imitates he agrees;

the antithesis is the opinion of Khomyakov himself, which is allegedly shared by the addressee; the synthesis is based on the opinion of Khomyakov, presented as their general, compromise solution); although he widely uses them in messages to other correspondents and in printed works. It would seem that, in letters to Samarin, whom the ideologist of the Slavophil circle considered a logician, such logical manipulations would be the most natural, but their absence was not accidental: there were no ideological disagreements between Khomyakov and his student, and the trusting relationship did not allow intellectual tricks. Khomyakov was not mistaken, his word in his epistolary dialogue with Samarin was extremely effective. The young man willingly followed the ideologist of the Slavophil circle.

References

1. Florovskiy, G. (1986) Okolo Khomyakova [Near Khomyakov]. *Simvol – Symbol*. 16. December 1986. pp. 140–226.
2. Eremina, E.A. & Mezhueva, E.O. (2016) Kategoriya lyubvi v filosofii slavyanofil'stva [The Category of Love in the Philosophy of Slavophilism]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo – Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law*. 24 (245). pp. 77–81.
3. Aksakov, I.S. (1900) Predislovie k publikatsii pisem A.S. Khomyakova k Yu.F. Samarinu [Preface to the publication of A.S. Khomyakov to Yu.F. Samarin]. In: Khomyakov, A.S. *Poln. sobr. soch.: v 8 t.* [Complete works: in 8 vols]. Vol. 8. Moscow: Universitetskaya Tipografiya. pp. 235–238.
4. Samarin, Yu.F. (2016) Pis'ma Alekseyu Stepanovichu Khomyakovu. 1843–1850 [Letters to Alexei Stepanovich Khomyakov. 1843–1850]. In: Samarin, Yu.F. *Sobr. soch.: v 5 t.* [Collected works: in 5 vols]. Vol. 3. Edited by A.N. Nikolyukin. Saint Petersburg: Rostok. pp. 389–411.
5. Khomyakov, A.S. (1900) Pis'ma [Letters]. In: Khomyakov, A.S. *Poln. sobr. soch.: v 8 t.* [Complete works: in 8 vols]. Vol. 8. Moscow: Universitetskaya Tipografiya.
6. Levin, Yu.I. (1998) Struktura evangel'skoy pritchi [The structure of the gospel parable]. In: Levin, Yu.I. *Izbrannye trudy. Poetika, semiotika* [Selected works. Poetics, semiotics]. Moscow: Yazyki Russkoy Kul'tury. pp. 520–541.
7. Prokhvatilova, O.A. (2000) *Rechevaya organizatsiya zvuchashchey pravoslavnoy propovedi i molitvy* [Speech organization of a sounding Orthodox sermon and prayer]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
8. Koshelev, V.A. (2004) *Paradoksy Khomyakova. Zametki i nablyudeniya* [Khomyakov's paradoxes. Notes and observations]. Moscow: Indrik.
9. Kuz'mina, M.D. (2018) The principle of paradox in the letters of A.S. Khomyakov. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizayna. Ser. 2: Iskusstvovedenie. Filologicheskie nauki – Vestnik of St. Petersburg state university of technology and design. Series 2: Art criticism. Philological sciences*. 2. pp. 82–91. (In Russian).
10. Skorokhodova, S.I. (2018) On the issue of the Philosophy of religion Yu.F. Samarin. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii – Review of the Russian Christian academy for the humanities*. 19 (1). pp. 224–234. (In Russian).
11. Gertsen, A.I. (1956) Byloe i dumy [Past and thoughts]. In: Gertsen, A.I. *Sobr. soch.: v 30 t.* [Collected works: in 30 vols]. Vol. 9. Moscow: USSR AS.
12. Koshelev, A.I. (2015) Moi vospominaniya ob A.S. Khomyakove [My memories of A.S. Khomyakov]. In: Kaplin, A.D. (ed.) *Aleksey Khomyakov v vospominaniyakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov* [Alexey Khomyakov in memoirs, diaries, correspondence of contemporaries]. Moscow: Institut Russkoy Tsivilizatsii. pp. 307–317.
13. Chicherin, B.N. (1929) *Vospominaniya. Moskva sorokovykh godov* [Memories. Moscow of the forties]. Moscow: M. i S. Sabashnikovy.